

церквах, время то малое прошло без хваты божией, и для того те часы везде разверстаны во весь день и ночь к той службе божией всех регул, или уставов, монахом и монахиням по обителем, также и мирским священником по приходским церквам, что все соблюдается, ни единой минуты не пропуская от них с великим тщанием» [1, с.177 – 178].

Как видим, в путевых записках Андрея Артамоновича Матвеева все до предела сжато, четко и рационально. В то же время здесь нет той сухости, которая характеризует документальную письменность и делает ее узко функциональной, закрытой для массового читателя. Напротив, хотя они и задумывались как личный архив, в итоге была создана интереснейшая книга, привлекающая к себе читательское внимание до настоящего времени, прежде всего, обилием информации, способной удовлетворить требования самого взыскательного читателя, и авторскими замечаниями, оживляющими повествование.

Литература

1. Архив, или статейный список, Московского посольства, бывшего из Голландии инкогнито в прошлом, 1705 году, сентября в 5 день // Русский дипломат во Франции. – Л.: Наука, Ленингр. отд – е, 1982. – С. 31-237.
2. Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история: популярный очерк. IX – середина XVIII в. – М.: Мысль, 1992. – 797 с.
3. Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. Репринтное воспроизведение издания 1914 г. – Пушкино: Изд. объединение «Культура», 1990. – 648 с.
4. Люблинская А., Шаркова И. А.А.Матвеев и его труд // Русский дипломат во Франции. – Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1982. – С. 9-30.

Ж.Б. Джаламова
КазНУ им. аль-Фараби

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ М.М. ПРИШВИНА В ДНЕВНИКАХ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КАЗАХСТАНУ

Путевые дневники М.М.Пришвина являются сложнейшим явлением, отражающим духовное самоопределение писателя. В своих записях писатель воспринимает себя, прежде всего как человек творческих устремлений. Дневниковые путевые записи, сделанные писателем во время его путешествия в Казахстан помогают представить сложность его восприятия мира.

Записи путевого дневника Пришвина помогают нам понять, что эта поездка сыграла особую роль в творческом поиске писателя. Именно после нее создаются «Черный араб», «Адам и Ева», в которых автор обращается к универсальным человеческим ценностям.

Практической целью поездки послужило задание либеральной газеты «Русские ведомости», активным сотрудником которой он был в те годы, написать очерк об условиях жизни переселенцев в Павлодарском крае. Предложение газеты, как впоследствии пояснял писатель, давало ему возможность осуществить давнее желание страстного охотника: увидеть в горах Казахстана редкое животное архаров. Это путешествие продолжает путь Пришвина, избранный им для себя в творчестве – поиски неведомого.

Необходимо заметить, что не только практическую цель преследовал писатель, а именно характерные внутренние устремления, постоянно питаемые аналитической мыслью, создали в этих произведениях М.М. Пришвина самобытное интертекстуальное поле. Главным условием коммуникативной устойчивости культуры писатель, совмещающий в своей личности ученого и художника, считал ее преемственные связи. В фокусе внимания столь своеобразного мыслителя оказываются именно те темы, которые в современной теории интертекста получили определение «прецедентных».

Писатель воспринял своей чуткой мыслью и ту возможность творческих связей, которая обозначилась и как архетипические вариации. В этой связи следует восстановить в сознании содержание границы одного из *влиятельных* контекстов интертекстуальных связей. Это, по классификации ученого, «... тот *глубинный* (мифологический или психологический) *архетип*, который реализован в произведении, возможно с *новаторскими вариациями*» [1,8].

С точки зрения возможного в границах выделенного архетипа содержания представляет специфический интерес пришвинская постановка проблемы. Она прогнозируется в дневниковой записи 1943 года. Писатель цитирует в ней заключение историка американской литературы о путях ее движения: «Итак, неонатурализм – очеловеченный и опозитизированный натурализм, основой которого будет не документальная точность. А мифичность, - вот, что, весьма вероятно, даст нам литература ближайшего будущего» [т.7,512-513].

Основа основ, краеугольный камень мифологического творческого сознания – взаимоотношения с Миром, усиленное доверие к его данности. По нашему мнению, миф «гораздо теснее, чем литература связан с действительностью, ибо предполагает *нерасчлененную народную веру* в то, что образ и есть прямая достоверная истина, а не плод играющего воображения» [3,237]. Дар нерасчлененной веры в Мир был присущ М.М. Пришвину с детских лет и до последних дней жизни. Неоценимы в этом отношении страницы воспоминаний известного русского ученого К.Н.Давыдова, тесно общавшегося с молодым писателем. Особенно примечателен в связи с поднятой темой один из экспонируемых эпизодов. «Как-то он (Пришвин) поделился со мной проектом летней поездки в дебри Сибири, в Тарбагатайские горы. Я убежден,- говорил он, - что эта всем известная трогательная история розысков Иваном-царевичем похищенной у него прекрасной царевны произошла именно в Тарбагатае и, стало быть, там нужно искать следы этой чудесной погони»... И Пришвин действительно осуществил свою мечту, он побывал в Тарбагатае и много рассказывал мне об этом.

Он уверял, что отыскал перышки, которые догадливая невеста, увлекаемая серым волком, бросала по пути, чтобы облегчить погоню за ней Ивана-царевича. И нужно сказать, что рассказы его о посещенных местах были очаровательны.

Он даже показал мне два найденных там перышка». [4,24].

В дневнике путешествия в 1909 году из Павлодара в Каркаралинск М.М. Пришвин фиксирует как реальные факты, даже без намека на условность «географию» казахской поэмы о Баян-сулу : «В местечке Тарак она потеряла гребень (тарак-гребень). В Нар-Чеккен (чек! – кричит верблюд) потеряла верблюда. Каркара – головной убор, здесь в горах она потеряла головной убор» [т.7,51].

Подобное трепетно доверительное отношение к вымыслу свойственно детям и старикам. Тема – постоянная и претворяемая в персонажах пришвинских произведений от первой до последней книги. Авторы статьи «Мир и человек» комментируют возрастную метаморфозу в интерпретируемом ими литературном направлении. «Старики и дети оказываются не просто темой литературы – они определяют самый тип литературного творчества, которое приближается к мифическому» [3,238].

Нашел ли Пришвин сказку в жизни степной, «таинственной Азии», которая влекла его с самого детства? Писатель намеревался привезти большой трехчастный роман-очерк вроде «Колобка», но вместо растянутого повествования создал энергичный, яркий и сжатый рассказ о степных жителях, который привел в восторг М.Горького. Эти дневники содержат множество наблюдений и открытий самого разнообразного свойства. Они свидетельствуют об интересе автора как этнографа и историка, охотника и натуралиста).

Главным героем рассказа является не бродячий интеллигент, а таинственный черный араб, едущий из Мекки по степи куда глаза глядят, в то время как слух о его передвижении разносится на многие километры вперед. «Сама родится новость в степи или прибежит из других стран – все равно : она крылатая, мчится от всадника к всаднику, от аула к аулу.

Добрые люди посоветовали мне на время пути называться арабом, и будто я еду из Мекки, а куда – неизвестно. Я пустил этот слух, и вот побежало по Длинному Уху:

«На пегатом коньке слысинкой едет Черный араб из Мекки и молчит» [т.1,502].

Тематическим центром произведения является тема путешествия по стране, где люди живут как в земле Ханаанской. Это реальное путешествие одновременно является и странствием в поисках самого себя, своей земли обетованной, которая по мнению автора, является наиболее разумной организацией жизни всех и самого себя.

Как справедливо отмечает тонкий знаток творчества писателя Н.П. Дворцова, основным организующим принципом становится принцип сосуществования и противоборства реальности ее преображенного бытия. «С точки зрения повествователя, в земле где люди живут как Авраам, все вещи и явления существуют сами по себе, в своих преображениях –двойниках.»[5,103]. Существует реальная степь и мираж, «настоящая пустыня, серо-красная земля, и такая там тишина что звезды не боятся и спускаются на самый низ». [т.1,503].Свойственный писателю принцип, синтезированный с его поиском, в полную меру реализовал себя в общении с доверчивыми и незамысленными обитателями казахских степей. Впервые именно в «Черном арабе», нашли отражения представления казахов о звездном мире, бытующие в народе с древнейших времен и оформившиеся в устойчивый мифологический архетип. Специальный труд У.Абишева «Астрономические представления казахов» появился на пятьдесят лет позднее [6].

Характерно, что научно - популярный очерк сознательно приводит звездные ассоциации казахов в мир легендарный, хотя и сопрягаемый с реальность, но все же условный. Типичные ремарки в тексте: «существует легенда»; «эта легенда – кусочек жизни, перенесенный на небо»; «эта легенда – тоже отражение земной жизни: похищение невест у казахов было нередким явлением»; «о происхождении этого названия рассказывают следующую легенду» и т. д. [6, 12-13-15]. Подобный комментарий, равно и

уловимые чутким слухом иронические нотки в изложении, заземляют восприятие, что возможно, допустимо в избранной жанровой форме.

Удивляет созвучие некоторых характеристик. Этимологическая семантика одной из звезд получила в работе У.Абишева такое оформление: «Шолпан видна или перед восходом Солнца (когда баранов угоняли на пастбище) или после захода Солнца (когда их пригоняли с пастбища). Вероятно, поэтому она и получила название «Шолпан (или Шопан жулдызы) - «Пастушья звезда» [6,15]. Налицо стилизованная прозаичность, вводное слово «вероятно» обеспечивает возможность вариативного прочтения, вносит нотку сомнения в его единственность. Автор – повествователь воссоздает в «Черном арабе» собственный архетип. «Когда и как загорелась первая звезда мы не заметили... В то время в ауле остатки семьи старика возились со стадами. Что они там делали, нам не было видно: вероятно, доили коз, кобылиц и верблюдиц. У них там кто-то пел, и так просто и однообразно, будто это шалун-мальчишка позвякивал ручкой ведра. Под звуки этой песни стада постепенно ложились на землю. И вот, когда опустились два верблюда, и весь скот сравнялся, и песня смолкла, тогда я увидел первую звезду. Ее будто спустили к нам на серебряной нити – такая она была большая и низкая» [т.4,510]. Здесь необходимость служебного слова «вероятно» в пришивинской прозе подтверждается стремлением точно соблюсти пространственную перспективу с той «точки зрения», на которой пребывают путешествующий автор и его проводник: в открытой степи, несколько в отдалении от аула. И потому не видно, что делается в ауле, но можно точно прогнозировать не раз наблюдаемую архетипическую ситуацию. Ее содержание отражено в дневниковой записи: «Самое лучшее время – вечер, стада стекаются ... ягнят привязывают к петлям на длинной веревке голова к голове ... за овцами коровы... женщины доят... Сопки... Долина между холмами... Не хочу оторваться... степь живая... только теперь понимаю ее жизнь, раньше пустыня» [т.7,51]. Итак, извечная повторяемость ситуации создает условия для ее архетипического восприятия: не видно, но известно.

Звездные беседы в условиях проиллюстрированного живого «кусочка кочевой жизни» прогнозируют единственность значения, которое «не подменяет настоящее будущим, сущее – должным». В который раз в реальности сотворяется тот миф, который «не отрицает одно, чтобы утверждать другое, - он пытается понять единство всего сущего и в этом согласуется с подлинным реализмом, в сферу которого на равных правах входят понятия, настроения, предметы, поступки» [3,240]. Безусловно, значимой представляется информация о звездах – мифах: «- Чолпан! – сказал Исаак. – Пастушеская звезда восходит, когда стада возвращаются с поля и меркнет, когда стада уходят утром кормиться. Самая хорошая наша звезда» [т.1,541]. Но более значим рефрен, сопровождающий диалог: «Все это видно с древних времен ... и у нас и у вас, везде одинаково» [т.1,541].

И потому глубинным, космогоническим смыслом наполнено содержание дневниковой записи: «Кто видел звезды из аула, того они и будут сопровождать. Когда-нибудь и по Невскому проспекту я увижу те же звезды и скажу: «Вот Семь воров, вот Гибель Ослов, Чолпан...» [т.7,53] Эта запись выводит творческую мысль Пришвина в диалогический контекст – контекст космического сознания.

Литература

1. Жолковский А.К. Блуждающие сны: Из истории русского модернизма. – М.: Сов. писатель, 1992.
2. Пришвин М.М. Собрание сочинений в 8 т. – М.: Художественная литература, 1982-1986, т.7. (Здесь и далее цитаты из произведений автора даются в квадратных скобках по указанному изданию, первая цифра обозначает том издания, вторая страницу).
3. Новый мир. - 1981, № 4.
4. Воспоминания о Михаиле Пришвине. – М.: Сов. писатель, 1991.
5. Дворцова Н.П. Три редакции «Черного араба» М.Пришвина. // Творчество М.М.Пришвина. Исследования и материалы. – Воронеж, 1986.
6. Абишев У. Астрономические представления казахов. – Алма-Ата: Учпедгиз, 1959.

А.И. Ахметжанова,
доцент каф. русской филологии
русской и мировой литературы КазНУ им. аль-Фараби

ЖАНР КАК ТИП ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В литературоведении понятие «жанр» понимается как «исторически складывающийся тип литературного произведения», в теоретическом понимании жанра «обобщаются черты, свойственные более или менее обширной группе произведений какой-либо эпохи, данной нации или мировой литературы вообще». Проблема жанра в современном литературоведении связана с «проблемой классификации произведений, выявление в них общих - жанровых признаков».